

Невилл, от нечего делать, размышлял о прошедшей ночи. Он потратил время не на то, чтобы выспаться, чего не было уже целую вечность, а на то, чтобы бродить по коридорам Хогвартса и пытаться понять реакцию Грейс на лестнице. Он решил, что Грейс Малфой - это пять разных людей в одном теле; это было единственным объяснением того, как радикально менялась её личность каждый день.

Несмотря на то, что Грейс была сумасшедшей, он всё ещё прятался в холле библиотеки, тратя последние драгоценные часы выходных и ожидая её появления. Он подумывал о том, чтобы просто прийти, попросить её о личной беседе и покончить с этим, но ему не хотелось, чтобы половина Слизерина обратила на него внимание. Он хотел спросить, почему она была на лестнице, почему она была расстроена в тот день на Гербологии, почему она была так жестока с ним в одну минуту, а в следующую - так любезна, но он не знал, как выразить словами то, что он чувствовал или думал. Он задавался вопросом, знает ли Грейс сама, что она чувствует.

Тихий ропот оповестил его о том, что юные Слизеринцы закончили занятия и начали выходить из библиотеки. Невилл выглянул из-за угла и наблюдал, как все они поворачивают по коридору в сторону подземелий.

«Хиггс, не могли бы вы задержаться на минутку?» Грейс обратилась к группе третьекурсников. Невилл наблюдал, как маленький мальчик медленно идет к ней. Невилл попытался рассмотреть мальчика, приближающегося к Грейс. Он видел, что у него темные волосы, но его лицо было скрыто от глаз, так как он смотрел вниз на свои ботинки. Он казался маленьким для третьекурсника, но Невилл понял, когда мальчик подошел ближе, что он казался таким только из-за того, как он держал себя.

Грейс сначала ничего не сказала. Она с минуту смотрела на застенчивого мальчика, явно изучая каждую его деталь. Невилл наблюдал, как Грейс протянула руку и подставила изящный палец под волевою подбородок мальчика. Она подняла его голову и плавно обошла вокруг него, мягко надавив рукой на середину его спины и слегка отведя назад его плечи, пока его осанка не стала такой же идеальной, как у неё самой. Мальчик покраснел, но сохранил ту позу, в которую она его поставила.

«Ты - Слизерин и чистокровный, и я не позволю тебе держаться с меньшей гордостью. Ты - представитель нашего дома и своего рода. Ты понял?»

Маленький мальчик кивнул на слова Грейс, что заставило ее бросить на него ругательный взгляд: «Д-да».

«Хорошо», - сказала Грейс отрывистым голосом и, мягко улыбнувшись, опустилась на колени так, что оказалась чуть ниже мальчика. Она повернулась на бок и достала рисунок, который

лежал у ее кровати, когда она находилась в больничном крыле. „Это прекрасно, Томас“, - тихо сказала она, позволяя благодарности отразиться на ее лице.

«Я г-гл-рад, что вам понравилось», - заикался Томас, его лицо явно напряглось из-за дефекта речи. Было очевидно, что мальчик стесняется своей речи; Невиллу даже было стыдно за него. Он помнил, как жестоко все дразнили профессора Квиррелла за его спиной. Он мог только представить, как дразнили этого мальчика. Ведь он был в Слизерине, в доме, обитатели которого славились особой жестокостью.

Грейс продолжала улыбаться ему с мягким выражением лица, словно ничего не замечая: «Ты очень талантлив, Томас; у меня никогда не было более красивой картины, - она сделала паузу и улыбнулась так, что сердце замирало, а дыхание перехватывало, - или более продуманного подарка Когда ты ее нарисовал?»

Томас облизнул губы и закрыл глаза: «Т-первая неделя, когда мы нарисовали этот с-с-семь-стер».

Грейс только кивнула, грациозно встала и нежно поцеловала нервного мальчика в щеку. Его глаза на мгновение значительно расширились, прежде чем он сделал безразличное лицо, но это все равно не скрыло его румянца.

«Можешь идти, Хиггс», - отмахнулась Грейс, её голос снова стал похож на голос МакГонагалл. „Не забудь переписать этот параграф, прежде чем сдавать его Флитвику; он приверженец концептуальной теории“.

Грейс смотрела, как он уходит, скрюченный палец скрывал забаву на её губах Невилл стоял в тени, не желая нарушать этот момент Он хотел навсегда запомнить нежное выражение лица Грейс, когда она смотрела, как Хиггс идёт по коридору В тихой неподвижности этого момента Невилл знал, кто такая Грейс Всё, что она делала перед людьми, было фасадом, но девушка, которую он видел, когда рядом не было других, была настоящей Грейс Малфой И Грейс Малфой была удивительной Она была милой, смешной, самоотверженной, сильной, умной, остроумной и невероятно нежной Невилл знал, что она такая же неполноценная, и что она скорее сурова, чем добра Каждое ехидное замечание, каждый враждебный взгляд можно было легко забыть, когда он видел её в такие моменты, как этот. Теперь он был уверен, что лучше смириться с её плохими моментами, если её хорошие моменты будут такими замечательными

«Немного слишком молода для тебя, тебе не кажется?»

Невилл оглянулся и увидел Теодора Нотта, который стоял, скрестив руки, прислонившись к

прохладному камню замка. Невилл нахмурился: в том, как Нотт смотрел на нее, было что-то такое, что заставило его насторожиться. На лице Грейс мелькнула ярость, но она отбросила ее и повернулась лицом к высокому мальчику.

«Он не намного младше, - небрежно заметила Грейс, её лицо было холодным и недружелюбным. - Он был бы подходящей парой, в конце концов: чистокровный, богатый, Слизерин, нейтральный в войне, и он из хорошей, уважаемой семьи».

Глаза Нотта на мгновение вспыхнули чем-то неизвестным, после чего он отошел от каменной стены и приблизился к месту, где стояла Грейс: «Подходящая пара? Никогда бы не подумал, что вам подойдет муж, который едва может говорить».

«Может, мне нравятся сильные молчаливые люди».

«Я бы не сказала, что Хиггс сильный».

«Любой, кто может жить в обществе чистокровных с таким недостатком, как у него, и при этом сохранять фамилию и честь своей семьи, силен. И, если ты не заметила, он - второкуртник, который в совершенстве владеет невербальными заклинаниями».

Нотт фыркнул: «Из необходимости».

«Когда он станет мужчиной, никому не будет дела до того, что он овладел этим по необходимости, люди будут видеть в нем лишь человека, которого следует опасаться, с такой сильной магией. Подобная магия может заставить людей забыть. Даже сейчас я вижу, как страх начинает появляться в глазах его сверстников. Большинство студентов даже не знают о его проблеме. Он так хорошо ее скрывает. При правильной осанке и взгляде его будут воспринимать как грозную фигуру, спокойно вычисляющую врагов. Человек, который не говорит, ничем себя не выдает. Все, что ему нужно, это чтобы кто-то показал ему, как быть этим человеком.»

Нотт сжимал переносицу между глазами, явно раздосадованный разговором «Я всегда забываю, что когда дело доходит до юных лет, ты как венгерский рогатый хвост, защищающий своих птенцов. Может, начнем сначала, пожалуйста?»

«Не может быть».

Нотт глубоко вздохнул и протянул руку, чтобы притянуть Грейс к себе, но блондинка резко отстранилась, вытянув вперед руку с палочкой: «Мерлин, Грейс, я скучаю по тебе, я просто хочу поговорить с тобой. Ты не ответила ни на одну сову, которую я послал тебе за лето, и ты вернула открытку и цветы, которые я послал тебе в больничное крыло».

«Я думаю, - медленно произнесла Грейс, не отводя палочку от мальчика, стоящего перед ней, - что, исходя из всего этого, ты поймешь, что я не хочу иметь с тобой ничего общего».

Нотт подался вперед, его грудь теперь касалась кончика ее палочки: «Я знаю, что ты заботаешься обо мне, если бы это было не так, ты бы рассказал своему брату и...»

«А тебе не приходило в голову, что я не сказал брату, потому что ты не имеешь для меня большого значения? Я бы не стала тратить свои и его силы на то, чтобы отомстить тебе», - холодно прервала Грейс, убирая палочку в мантию и собираясь уходить.

«Грейс, пожалуйста! Я люблю тебя».

Грейс на мгновение остановилась, прежде чем повернуться и встать нос к носу с Ноттом. Невилл мог бы подумать, что она собирается поцеловать его, если бы ее лицо не выглядело таким мрачным. «Ты не знаешь, что означает это слово», - ядовито прошептала она, заставив мальчика перед ней сделать шаг назад, а Невилла наклониться ближе, чтобы услышать больше. «Потому что если бы ты знал, ты бы никогда не сказал мне, что потом пошел и трахнул какую-то девчонку из Рейвенкло, когда мы были еще вместе!» Нотт попятился назад от удара в грудь, который нанесла ему Грейс: «Как ты смеешь так предавать меня, а потом стоять передо мной и заявлять, что любишь меня?»

«Я люблю тебя!» Нотт умолял, отчаянно пытаясь убедить девушку в своей искренности.

«Может, ты и любишь меня, но если это так, то твоя любовь ничего не стоит, и уж точно не достаточно хороша для меня».

«Грейс, - было видно, что Нотт старается говорить терпеливо и понимающе, но уже близок к тому, чтобы потерять самообладание, - я понимаю, что это было заслуженно, что я причинил тебе боль и...»

«Единственное, что ты задел, Теодор, это мою гордость. Это единственное, на что ты можешь претендовать, что повлиял на меня. Я не рыдала из-за потери тебя, я только рыдала от ярости,

что ты предал меня. Я бы никогда не легла в постель с другим мужчиной, если бы за меня уже говорили».

«Тебе легко говорить, не так ли? Ты ни с кем не ляжешь в постель», - насмешливо проговорил Нотт, скривив губы. «А чего ты ожидала, Грейс? Я говорю тебе, что люблю тебя, а ты не отвечаешь. И ты ждешь, что я буду хранить тебе верность, а сама позволяешь мне только целоваться с тобой? И даже тогда, похоже, тебе это не слишком нравится Ты хоть представляешь, сколько девушек бросались на меня? Сколько у меня было возможностей лечь в постель с другими девушками? Неужели все те разы, когда я оставался тебе верен, ничего не значат?»

«Ты абсолютно прав, Тео, как я могла быть такой эгоисткой, - насмешливо сказала Грейс, - Спасибо тебе огромное, Тео, за то, что ты не трахал всех этих других девушек Конечно, я прощаю то, что ты трахал какую-то маленькую шлюшку и даже не имел приличия вымыть ее из душа, прежде чем встретиться со мной Я была такой ужасной подружкой, что не позволяла тебе спать со мной, я имею в виду, Ты всегда так старался затащить меня в постель, а я просто пустила все твои усилия на самотек. Неудивительно, что ты сделал то, что сделал. В конце концов, это моя вина, что я не спала с тобой, что не любила тебя».

Нотт покраснел: «Я не это имел в виду».

«О, но это то, что ты думаешь, не так ли, Тео?» Молчание показалось Грейс достаточным ответом: «Твоя любовь и преданность неблагородны».

«Это, по крайней мере, лучше, чем твоя, которая не существует», - ответил Нотт в жалкой попытке вернуть себе хоть какое-то достоинство.

«Я хочу, чтобы ты знал, Нотт, - сказала Грейс, ее голос был пропитан ядом, - что я люблю более страстно и с большей преданностью, чем ты можешь себе представить, и люди, которых я выбираю для любви, - это те, кто может сравниться с моей. Я готова отдать свою жизнь за любого из людей, которых я люблю, Но, по крайней мере, любовь, которую я предлагаю, настоящая Ты утверждаешь, что хочешь чего-то со мной, а потом уходишь и трахаешься с какой-то девчонкой и пытаешься сказать мне, что ничего не было Если бы ты любил меня, то не стал бы спать с какой-то случайной девушкой, зная, насколько интимным мне кажется этот поступок Неудивительно, что я никогда не чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы сделать это с тобой Теперь, когда мы закончили, я вижу, что ты - последний мужчина, с которым я могла бы заставить себя переспать».

Грейс повернулась, чтобы уйти, очевидно, полагая, что у Слизера не найдется ответа на ее слова.

